

В момент, когда камень полетел вниз, она услышала снизу удивлённый возглас.

Булыжник весом килограммов десять, да ещё с такой высоты, мог запросто проломить человеку череп — если не убить, то покалечить точно.

Услышав звук, Цинь Чаншэн замерла, затем резко высунулась за край. На скале, прямо под тем местом, куда упал камень, кто-то поднял голову, и их взгляды встретились.

Сердце Цинь Чаншэн ёкнуло, кровь ударила в голову, волосы встали дыбом. Она почти перестала дышать.

Юй Инь прилипла к отвесной скале, к этим огромным оголённым плитам бледного камня. Она висела на стене, точно ящерица, её пальцы, твёрдые как железо, впивались в почти вертикальную поверхность.

И вот теперь она подняла лицо и встретилась глазами с Цинь Чаншэн, стоящей на краю. Камень, летевший ей в лицо, под действием собственного веса и скорости раскрошил половину её головы. Кровь и плоть смешались с чёрными волосами, и вид этот леденил душу.

Но даже это её не убило.

Цинь Чаншэн прикрыла рот ладонью — казалось, если не сделать этого, сердце выпрыгнет из горла.

Юй Инь моргнула. На изуродованном лице появилась жуткая, полная уверенности улыбка.

Затем раздался хруст — её пальцы сломались в расщелине скалы. Она подняла голову и сказала раздробленным ртом:

— Только что получила это тело... как жаль.

Цинь Чаншэн отшатнулась на два-три шага. В глазах потемнело, в горле подступила тошнота. Она сглотнула, стиснув зубы, охваченная ужасом и оторопью, и попятилась, намереваясь бежать вниз по склону.

Сделала несколько шагов — и снова вернулась к краю. Юй Инь уже свалилась в пропасть. Сверху, с обрыва, не было видно ничего, кроме царапин на камне от её пальцев и разбрызганной крови — единственных следов, подтверждавших, что это не призрак.

Но Цинь Чаншэн отчётливо понимала: это не было галлюцинацией!

Накинув рюкзак, она уже было бросилась бежать. Но, ухватившись за дерево, снова вспомнила разможжённое лицо Юй Инь. Сердце сжалось, кислота снова подкатила к горлу.

Это было настоящее чудовище!

Та улыбка была леденяще жуткой. Если это существо могло говорить и улыбаться с разбитой головой, то падение с обрыва вряд ли его добьёт. А если оно сейчас, истекая кровью, ползет обратно — удастся ли ей убежать?

Цинь Чаншэн решила немедленно уходить, но вспомнила про Цзян Чжунсюэ, оставшуюся где-то выше. Помедлив, она всё же подошла к самому краю, сложила ладони рупором и закричала что есть мочи:

— Цзян Чжунсюэ! Быстро вниз! Цзян Чжунсюэ, ты где?!

Её крик, почти разрывающий горло, покотился эхом по лесу: «Цзян Чжунсюэ — Цзян Чжунсюэ — где ты?»

Цинь Чаншэн кричала, не уставая, свернув ладони рупором. Эхо, приходящее с другой стороны, словно отвечало ей из далека, снова и снова: «Цзян Чжунсюэ — где ты?»

После десятка криков голос начал садиться. Со лба катился пот — от страха и злости. Она пыталась утешить себя: возможно, Юй Инь не тронет Цзян Чжунсюэ. Но чем больше думала, тем яснее понимала: не может просто так оставить её. Вдруг на этой горе есть что-то, что может справиться с Цзян Чжунсюэ?

Иначе зачем этому существу карабкаться вверх?

Оно прилепилось к скале, как ящерица, вместо того чтобы идти в деревню и разбираться с ней.

Скорее всего, оно стремилось вернуться на вершину горы Цзи, чтобы найти способ одолеть Цзян Чжунсюэ. Ведь единственная причина, по которой оно боялось напасть на саму Цинь Чаншэн, была именно в ней!

Цинь Чаншэн металась на краю обрыва, не в силах ни уйти, ни пройти дальше. Взгляд упал вниз, на горную тропу в сотнях метров ниже, где мелькнула движущаяся тень.

Сквозь густую листву и переплетение ветвей смутно угадывалась человеческая фигура.

Тот, казалось, полз на четвереньках, волоча за собой что-то длинное. Выглядело это так, будто охотник идёт по следу, улавливая запах добычи.

Цинь Чаншэн вспомнила рассказы деда: в глухих лесах бывает, что собак загрызают мстящие волки, и даже волкодавы не выживают.

В таких местах не держат собак, и охотникам приходится полагаться только на собственное умение. Бывают мастера, что ползают по земле со связкой стрел за спиной, выслеживая зверя по запаху вплоть до его логова. Для такого нужен отменный нюх и верная рука стрелка.

Глядя на ползущую фигуру, Цинь Чаншэн невольно примерила к ней дедовы рассказы о следопытах.

Она только подумала: «Какой охотник забрался так далеко?» — как фигура вдруг повернулась.

Словно почувствовав на себе взгляд, оно подняло лицо. Половина его была разворочена, и в этой кровавой массе растянулась широкая, жуткая улыбка.

У Цинь Чаншэн душа ушла в пятки.

То, что оно волочило за собой, было вовсе не оружием, а собственной сломанной ногой!

Она отпрянула на два шага, прижавшись спиной к скале. Как это чудовище могло переместиться так быстро? Оно же с переломом, оно же только ползёт! Как оно оказалось на тропе?

С такой скоростью оно вскарабкается сюда за считанные минуты!

Цинь Чаншэн похолодела от ужаса, но отступить было некуда. Впереди — пропасть, сзади — вскарабкивающееся в теле Юй Инь чудовище!

Что же делать?

Меж двух огней, а Цзян Чжунсюэ и след простыл! Бежать некуда — остаётся только принять бой.

Дед всегда был занят.

В детстве Цинь Чаншэн часто подглядывала за ним из-за стола. Семья её жила в достатке, родители не были обременены работой. Каждый вечер после ужина они водили её по магазинам, и ни в сладостях, ни в игрушках ей никогда не отказывали.

Но дед никогда с ней не гулял.

Она видела его юношеские фотографии: в молодости он был красив — густые брови, большие глаза, статная фигура, лицо, воплощающее представления той эпохи о честности и благородстве.

Родители глубоко уважали и почитали деда. Они учили Цинь Чаншэн: «Слушайся дедушку». Если дед запрещал сладкое — она не ела. Если дед говорил не покупать игрушку — она не просила.

Дед был непреклонен, никогда не улыбался ей. Он учил её боевым искусствам, учил сохранять спокойствие в любой буре, учил шагать вперёд не колеблясь, не робея.

В глазах маленькой Цинь Чаншэн всё это значило лишь одно: дед её не любит.

В детстве она делилась с Сюй Цзин своими тайнами: «Дед меня не любит. Он как чудовище, выползшее из гроба».

Она его не любила.

С годами дед стал медлителен. Цинь Чаншэн молча убирала за ним вещи, молча слушала его рассказы о прошлом.

О той девушке, чьё имя он никогда не называл — о тёте, которую она никогда не видела, его родной сестре.

Только после его смерти, когда сдерживаемое им проклятие вновь заструилось в её крови, она поняла: в их семье Цинь был такой человек, такая судьба и такое проклятие.

Цинь Шифэн говорил ей когда-то: «Чаншэн, в нашем роду есть один смертельный приём против всякой нечисти — демонов, духов, призраков.

Тогда он смотрел на неё необычайно серьёзно и произнёс тихо, отчётливо:

— Этот способ... бьёт по врагу на сто, а по себе — на три тысячи. Но против тех тварей, что тебе встретятся, его хватит. Не знаю, правильно ли рассказывать тебе об этом... но если нечисть загнала тебя в тупик, бросай все силы в бой».

Цинь Чаншэн стиснула зубы. Глаза налились кровью.

Раз уж дело дошло до этого — придётся сражаться!

Чудовище у подножия уже выползло на тропу.

Цинь Чаншэн швырнула рюкзак на землю, размяла кисти и взглянула на парящий рядом призрак Юй Инь.

<http://bllate.org/book/16269/1464321>